

На правах рукописи

Ильиных Анастасия Витальевна

БИБЛЕЙСКИЙ ИНТЕРТЕКСТ В ПОЭЗИИ Ю.П. КУЗНЕЦОВА

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Тверь, 2023

Работа выполнена на кафедре филологических основ издательского дела и литературного творчества ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Научный руководитель:

Николаева Светлана Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»

Официальные оппоненты:

Гавриков Виталий Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры государственного управления и менеджмента ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Брянский филиал (10.01.01 — Русская литература; 10.01.08 — Теория литературы. Текстология)

Крылова Снежана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения» (10.01.01 — Русская литература)

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Защита состоится « » 2024 года в час. мин. на заседании диссертационного совета 24.2.411.04 (Д 212.263.06) по филологическим наукам на базе Тверского государственного университета по адресу: 170002, г. Тверь, пр. Чайковского, ауд. 48.

Полный текст диссертации и объявление о защите размещены на сайте ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», электронный адрес: <https://dissertations.tversu.ru/>

Текст автореферата и объявление о защите размещены на сайте ВАК, электронный адрес: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/>

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» по адресу: 170100, г. Тверь, ул. Трехсвятская, д. 31/16.

Автореферат разослан « » _____ 2023 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филолог. наук, доцент

Хриптулова Т.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Юрий Поликарпович Кузнецов (1941–2003) — выдающийся русский поэт, литературный критик, переводчик, преподаватель Литературного института имени А.М. Горького, член Союза писателей СССР (позднее — России). В своем творчестве он отразил и осмыслил все наиболее значимые события истории нашей страны второй половины XX века (от Великой Отечественной войны до крушения Советского Союза), внес огромный вклад в развитие русской поэзии и русской литературы в целом, в формирование общественного самосознания.

О себе автор говорил: «Я осваивал поэтическое пространство в основном в двух направлениях: народного эпоса (частично греческого), русской истории и христианской мифологии»¹. Глубокий интерес поэта к национальной культуре и истории России вылился в написание большого пласта произведений на историческую, историософскую и религиозную тематику, а также цикла эпических поэм, в основе которых лежат христианские сюжеты (трилогия «Путь Христа», «Сошествие в ад», «Рай» (неоконч.) и другие), в перевод одного из важнейших древнерусских памятников — «Слова о Законе и Благодати» митрополита Иллариона. Именно стихотворения и поэмы с библейской основой заняли особое место в поэзии Ю.П. Кузнецова, стали вершинным его достижением и наиболее ярко воплотили в себе его творческое кредо.

Степень разработанности темы. Еще при жизни автора критики и литературоведы, такие как К.Н. Анкудинов, В.Н. Бараков², В.А. Редькин³ и др., стремились отыскать подход к изучению его наследия и определить его место в отечественном литературном процессе, связав поэзию Юрия Кузнецова прежде всего с «почвенничеством» и «духовным реализмом», с православным мировосприятием, указав на мощный мифопоэтический и библейский интертекстуальный слой в его произведениях. В последние два десятилетия литературоведы уделяют особое внимание рассмотрению типа религиозного сознания и художественного метода поэта (Н.Н. Гордиенко⁴, Н.И. Ильинская⁵, В.А. Редькин⁶, Е.Ю. Третьякова⁷), значению религиозного символа (О.В. Шевченко)⁸ и реализации эсхатологических мотивов в его творчестве (С.М. Казначеев⁹, В.А. Редькин¹⁰),

¹ Кузнецов Ю. Тропы вечных тем: проза поэта. М.: Литературная Россия, 2015. С. 163.

² Анкудинов К., Бараков Ю. Юрий Кузнецов: Очерк творчества. М.; Вологда: Свеча, 1996. 104 с.

³ Редькин В.А. Русская поэма 1950–1980-х годов: жанр, поэтика, традиции: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. 255 с.

⁴ Гордиенко Н.Н. Русская поэзия рубежа XX–XXI веков в контексте православной духовной традиции: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2008. 30 с.

⁵ Ильинская Н.И. Юрий Кузнецов: структура религиозного сознания поэта на пороге XXI века // Вестник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Серия: Филология. 2004. Вып. 39. № 607. С. 53–57.

⁶ Редькин В.А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 4.

⁷ Третьякова Е.Ю. Юрий Кузнецов: зрелое новаторство: монография. Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2013. 205 с.

⁸ Шевченко О.В. Мифологический символ в лирике Юрия Кузнецова о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2009. № 1. С. 138–143.

⁹ Казначеев С.М. Эсхатологические мотивы в поэзии Юрия Кузнецова // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2013. № 6. С. 68–72.

¹⁰ Редькин В.А. Инфернальный мир в творчестве Ю.П. Кузнецова // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2014. № 1. С. 73–78.

изучению особенностей влияния на поэта апокрифической и древнерусской литературной традиций (И.Ю. Голубничий¹, С.Ю. Николаева², А.В. Татарин³), а также непосредственной роли интертекстуального элемента в его произведениях (Д.С. Тавакалян)⁴. Особый интерес в аспекте тематики данной диссертации представляет сборник материалов шестой Международной научно-практической конференции, посвященной творческому наследию Ю.П. Кузнецова, «Юрий Кузнецов и христианский мир»⁵.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что поэт, безусловно, не был единственным, кто обращался в последней трети XX века к библейской теме. Исследования, посвященные вопросам воплощения темы религиозной духовности в поэзии рубежа XX–XXI вв. (Н.А. Котова⁶, Т.С. Тальских⁷), позволяют рассматривать творчество Ю.П. Кузнецова не изолированно, а в контексте отечественного литературного процесса.

Несмотря на наличие большого количества исследований различных аспектов творчества поэта, в том числе и религиозного, христианского, функционирование библейских интертекстов как ключевого элемента поэтической картины мира Ю.П. Кузнецова до сих пор не было подвергнуто системному, целостному анализу.

Актуальность исследования определяется возрастающим интересом филологического научного сообщества к проблеме проявления и воплощения религиозного мировоззрения в отечественной литературе второй половины XX — начала XXI века и в творчестве Ю.П. Кузнецова в частности при отсутствии специальных монографических исследований, посвященных функционированию библейского интертекста в творчестве этого выдающегося поэта.

Цель работы — целостное, системное рассмотрение особенностей библейского интертекста в творчестве Ю.П. Кузнецова.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) очертить круг терминов, необходимых при исследовании проблемы интертекстуальности;
- 2) изучить особенности, приемы и методы анализа интертекстуального элемента библейского характера в художественной литературе;

¹ Голубничий И.Ю. Стилевой опыт Юрия Кузнецова и современный литературный процесс: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. М., 2012. 20 с.

² Николаева С.Ю. Христианский провиденциализм в поэзии Юрия Кузнецова // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2007. № 10. С. 58–69.

³ Татарин А.В. Власть апокрифа: библейский сюжет и кризисное богословие художественного текста. Краснодар: Мир Кубани, 2008. 711 с.

⁴ Тавакалян Д.С. Модернистская поэтика Юрия Кузнецова // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 1 (39). С. 90–92.

⁵ Юрий Кузнецов и христианский мир: материалы шестой научно-практической конференции, посвященной творческому наследию Ю.П. Кузнецова. М.: Московский культурно-образовательный центр при Литературном ин-те им. А.М. Горького, 2013. 158 с.

⁶ Котова Н.А. Современная духовная поэзия: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2008. 23 с.

⁷ Тальских Т.С. Библейские аллюзии в современной поэзии духовной традиции // Научный диалог. 2016. № 5 (53). С. 120–133.

- 3) определить необходимые методологические подходы к исследованию интертекстуальности в поэзии Ю.П. Кузнецова, критерии и способы выявления явных и скрытых интертекстуальных элементов;
- 4) отобрать и проанализировать репрезентативные поэтические произведения Ю.П. Кузнецова, включающие библейский интертекст;
- 5) проанализировать функции библейского интертекста в поэзии Ю.П. Кузнецова;
- 6) разработать типологию функционирующих в творчестве поэта библеизмов-интертекстем;
- 7) установить специфику поэтической картины мира Ю.П. Кузнецова, сформировавшейся под влиянием библейской парадигмы;
- 8) изучить своеобразие художественных средств и способов воплощения библеизмов в поэзии Ю.П. Кузнецова;
- 9) на основе проделанного анализа уточнить место и значение поэтического наследия Ю.П. Кузнецова в русском литературном процессе, в контексте русской поэзии второй половины XX — начала XXI века;
- 10) выявить связь между особенностями репрезентации библейских интертекстем в поэзии Ю.П. Кузнецова и его художественным методом.

Объект исследования — библейская парадигма в стихотворениях и поэмах Ю.П. Кузнецова.

Материал исследования — поэтическое творчество Ю.П. Кузнецова, а также часть эпистолярного и публицистического наследия.

Предмет изучения — типология, поэтика и особенности функционирования библейских интертекстем в поэзии Юрия Кузнецова на идейно-тематическом, образном и стилевом уровнях.

Гипотеза исследования: библейский интертекст играет ключевую роль в поэтической картине мира Ю.П. Кузнецова.

Научная новизна работы характеризуется впервые предпринятым монографическим, систематическим изучением видов и способов функционирования библейских интертекстуальных элементов в творчестве Ю.П. Кузнецова и установлением своеобразия авторской поэтической картины мира, основанной на христианском мироощущении. Впервые представлена типология интертекстем библейского характера, охватывающая творчество поэта на всех этапах его развития, изучена роль их смыслового компонента при выборе автором тех или иных художественных средств. Одним из важнейших элементов данной работы является также исследование художественного метода Ю.П. Кузнецова с точки зрения традиции магического реализма и его влияния на репрезентацию библейского интертекста.

Теоретическая значимость работы заключена в том, что полученные результаты уточняют, дополняют и углубляют существующие представления о содержании, объеме и функциональности библейского интертекста в русской поэзии и о методике его анализа на примере творчества Ю.П. Кузнецова, а также развивают положения о художественном методе поэта.

Практическая значимость обусловлена тем, что результаты работы могут дополнить материал учебных курсов по истории русской литературы, по теоретической поэтике, литературному мастерству, могут быть использованы в дальнейших исследованиях русской поэзии, а также в эдиционной практике при подготовке историко-литературных комментариев к изданиям произведений Ю.П. Кузнецова.

В основу работы положены историко-генетический, текстологический, типологический и компаративный **методы исследования**, а также метод интертекстуального анализа. Использование этих методов обусловлено возможностью и необходимостью изучения наследия Ю.П. Кузнецова в контексте отечественной и мировой литературных традиций, выявления особенностей функционирования в его поэзии интертекстом библейского характера при исследовании авторской картины мира, построенной на основе христианского мировосприятия.

Теоретико-методологическая основа исследования заключается в ключевых положениях теории литературы и эстетики, разработанных такими учеными, как М.М. Бахтин, А.Н. Веселовский, М.Л. Гаспаров, М.Н. Липовецкий, Ю.М. Лотман, А.Ф. Лосев, Ю.Н. Тынянов и другие. Исследование непосредственно интертекстуальности опирается на связанные с вопросами сущности, функционирования и типологии интертекстом разработки отечественных и зарубежных ученых, среди которых И.В. Арнольд, Р. Барт, А.Н. Безруков, Н.Н. Белозерова, Е.Г. Еременко, Е.Н. Золотухина, И.П. Ильин, Г.К. Косиков, Ю. Кристева, Н.А. Кузьмина, Е.В. Михайлова, Н.В. Петрова, И.П. Смирнов, А.Л. Сопина и другие.

Теоретической базой диссертации послужили также труды специалистов по истории русской поэзии второй половины XX — начала XXI века: В.А. Зайцева, Е.С. Зинуровой, С.И. Кормилова, С.В. Крыловой, И.Б. Ничипорова, Н.М. Солнцевой, Н.А. Фатеевой и др.

Особое значение для данной работы имеют посвященные непосредственно творчеству Ю.П. Кузнецова исследования следующих литературоведов: К.Н. Анкудинова, В.Н. Баракова, С.Г. Галагановой, Н.Н. Гордиенко, С.Ф. Дмитренко, Н.И. Ильинской, С.М. Казначеева, Т.М. Киреевой, С.Ф. Меркушова, А.В. Моторина, С.Ю. Николаевой, В. Огрызко, Э.А. Рахматуллиной, В.А. Редькина, Д.С. Тавакалян, А.В. Татарина, Е.Ю. Третьяковой, О.В. Шевченко и др.

В концептуальную базу диссертации входят также:

- 1) научные исследования в области философии, фольклористики и культурологии (Т.А. Агапкина, З.М. Габуня, С.В. Дементьева, И.А. Ильин, А.Г. Кадыкова, Г.Е. Крейдлин, Е.Е. Левкиевская, К.Н. Леонтьев, Н.О. Лосский, Б. Паскаль, К.Г. Юнг);
- 2) труды филологов и лингвистов, связанные с уточнением терминологии библейского характера (О.С. Ахманова, С.П. Белокурова, А. Бирих, Е.М. Верещагин, В.П. Вихлянец, К.Н. Дубровина, Е.Э. Жевнерович, Н.В. Климович, Л.Г. Кочедыков, О.О. Сергиенко, М.О. Туркова-Зарайская);

- 3) экзегетические и критико-догматические изыскания отцов церкви и ученых-богословов (В.В. Акимов, Августин Блаженный, Блаженный Феофилакт Болгарский, В.В. Бычков, Василий Великий, И.С. Вевюрко, Б.И. Гладков, А.С. Десницкий, протоиерей Н. Иванов, И. Каравидопулос, А.П. Лопухин, П.Ю. Малков, архиепископ Феофан Полтавский [Быстров], Т.Г. Пушков, протоиерей Г. Фаст, П.А. Юнгер и др.);
- 4) теоретические разработки в области исследования проблемы литературной традиции магического реализма (А.В. Биякаева, В.А. Гавриков, А.А. Гугнин, К.Н. Кислицын, А.Ф. Кофман, Е.Г. Маслова, М.Н. Панчехина и др.).

В результате проведенного исследования были сформулированы и выносятся на защиту следующие **положения**:

1. Библейский интертекст играет ключевую роль в поэтической картине мира Ю.П. Кузнецова, при этом частотность и значимость новозаветных образов превалирует над значимостью ветхозаветных библеизмов. Специфика актуализации библейского интертекста у Ю.П. Кузнецова характеризуется свободным обращением автора с библейскими источниками, трансформацией отдельных сюжетно-мотивных элементов, неканонической, авторской интерпретацией Священного Писания.
2. Обращение Ю.П. Кузнецова к библейскому пласту и к христианской системе ценностей в целом лежит в русле традиций «почвеннической поэзии», отражает важнейшую закономерность в развитии русского литературного процесса, в частности русской поэзии второй половины XX — начала XXI в.; наследие Ю.П. Кузнецова стоит в одном ряду с поэзией Н.М. Рубцова, Н.И. Тряпкина, а также наших современников О. Седаковой, О. Николаевой, Г. Степанченко и других авторов.
3. Насыщенность поэтических текстов Ю.П. Кузнецова библейскими интертекстуальными элементами обусловлена установками мировоззренческого характера, в основе которых лежит стремление к возрождению традиционных русских ценностей с акцентом на православие и соборность.
4. Библейские интертекстемы встречаются на всех этапах развития творчества Ю.П. Кузнецова и представлены двумя структурно-семантическими типами: интертекстемами-бibleизмами (лексическими единицами — словами и устойчивыми словосочетаниями — и простыми предложениями) и интертекстемами в форме сюжетно-мотивных образований (сложного синтаксического целого), присутствующих в явном и скрытом виде. Наиболее активно они начинают использоваться с 1967 г., что хронологически совпадает с периодом знакомства автора с библейскими источниками.
5. Основными функциями библейского интертекста в поэзии Ю.П. Кузнецова становятся смыслообразующая и образно-экспрессивная. Библейский интертекст актуализируется на сюжетном, стилистическом и образно-символическом уровнях и связан с целостной системой художественно-выразительных средств, структура которых отражает особенности христианского мировосприятия автора.

6. Использование библейских интертекстов в смысловом отношении совпадает с тремя основными векторами развития религиозно-поэтической мысли Ю.П. Кузнецова: первый вектор — рецепция образа Христа как духовного ориентира человечества; второй — восприятие Родины как модели вселенной и воплощения образа земного храма; третий — самоопределение себя, поэта, как проводника Божьей воли (автор, таким образом, отвечает на основные онтологические и аксиологические вопросы в свете христианской веры).
7. Библейский интертекст в творчестве Ю.П. Кузнецова используется для того, чтобы поместить современные автору социально-политические и культурные явления во вневременной, общечеловеческий контекст, в результате чего прослеживается четкая параллель между событиями и образами Священного Писания и происходящим в России периода перестройки.
8. Вводя мотивы сна, морока, затуманенного сознания и видения при реализации в более зрелом творчестве эсхатологической темы, автор приближается к богословской концепции *privatio boni*, согласно которой зло является состоянием человека, а не независимой, объективно существующей субстанцией. Это ведет к активному использованию мотива «инфернального» отражения. Истинной же реальностью поэт считает состояние приближения к Богу, выраженное в образе рая.
9. Четкая духовно-ценностная поляризация «благого» и «неблагого» на основе христианского миропредставления выливается при реализации библейского интертекстуального элемента в контрастное построение образов, использование антонимических пар и переход символа в противоположное качество, маркируемый сменой цветовой характеристики (естественный цвет предмета становится черным, светлое — темным).
10. Своеобразие репрезентации библейского интертекста напрямую связано с особенностями художественного метода поэта, в котором прослеживается влияние традиции магического реализма с его смещением границ между реальным и ирреальным, фантастическим и обыденным, элементами карнавальной эстетики, бинарной оппозицией «свое — чужое», опорой на национальный духовный и исторический опыт при выходе на уровень вневременных, общечеловеческих ценностей.

Достоверность полученных результатов обусловлена опорой на фундаментальную теоретическую базу исследования, включающую труды мыслителей и ученых филологического, культурологического, философского и лингвистического профиля — как классиков, так и современников, а также работы богословов различных эпох; применением научных методов исследования, адекватных цели и задачам работы; сопоставлением результатов анализа различных аспектов творчества поэта с уже опубликованными в научной литературе. Валидность исследования подкрепляется также апробацией на конференциях регионального, всероссийского и международного уровня, публикациями в рецензируемых научных изданиях.

Апробация диссертации. Результаты исследования апробированы на Ежегодных международных научно-практических конференциях, посвященных творческому наследию Ю.П. Кузнецова, «Юрий Кузнецов и Победа» (14–15 февраля 2020 г.) и «Между миром и Богом» (18–19 мая 2021 г.) в Москве; на X и XI Всероссийских научно-практических конференциях «Исаковские чтения: древнерусское наследие и современность» (13 февраля 2021 г. и 18 февраля 2022 г. соответственно) в Твери, а также на LVII международной научно-практической конференции «Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования», секция «Русская литература» (февраль 2022 г., Москва), и Всероссийской научно-практической конференции «Литература Серебряного века в культурном контексте: связи и взаимодействия. К 110-летию со дня рождения Льва Гумилева» (2 ноября 2022 г., Тверь).

Основное содержание диссертации отражено в 10 статьях, среди которых 6 работ опубликованы в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Структура диссертации соответствует специфике поставленных задач и логике исследования. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, представленного 254 позициями. Объем работы составляет 184 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность работы, представлен краткий обзор литературы по рассматриваемой теме, указаны цель, задачи, материал, объект и предмет исследования, определены научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, методы и теоретико-методологическая база, выдвинута гипотеза и основные положения, выносимые на защиту, а также приводятся сведения об апробации результатов исследования, структуре и объеме диссертации.

Первая глава «Библейские интертексты в поэтическом творчестве Ю.П. Кузнецова: методы выявления и особенности репрезентации» посвящена рассмотрению теоретических вопросов относительно особенностей выявления и исследования библейских интертекстов в художественных текстах в целом и в поэзии Ю.П. Кузнецова в частности.

Параграф **1.1. «Феномен интертекстуальности: основные теоретические аспекты»** начинается с исследования истоков теории интертекстуальности; затронуты не только труды исследователей-первопроходцев, разработки которых были непосредственно связаны с термином «интертекст» (преимущественно представлены французским структуралистом Ж. Женнетом и постструктуралистами, в их числе создатель термина Ю. Кристева и Р. Барт), но и работы отечественных ученых, касавшихся различных аспектов взаимного влияния текстов. Среди последних особое значение имеют диалоговая концепция М.М. Бахтина, от которой и отталкивалась в своей работе Ю. Кристева, теория «влияния» Ю.Н. Тынянова, работа в русле теории заимствования А.Н. Веселовского, а

также разработанная Ю. Лотманом концепция «текст в тексте». Отдельно рассмотрен также вопрос о связи античной концепции мимесиса (подражания) с более поздними разработками теории взаимовлияния текстов.

Проведенный экскурс в историю развития теории интертекстуальности позволяет сделать следующий вывод: несмотря на то что теория особенно активно разрабатывалась французскими постструктуралистами в последней трети XX века, сам феномен в том или ином виде существовал в мировой философии, литературе и искусстве задолго до того, как оформился в стройную концепцию, что объясняется логикой развития культуры.

Далее в разделе очерчивается и уточняется круг терминов, необходимых при интертекстуальном анализе. В работе используется понятие интертекстуальности, предложенное Е.А. Баженовой: «Интертекстуальность — текстовая категория, отражающая соотношенность одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения»¹.

Интертекст реализуется в различных формах (цитате, аллюзии и реминисценции), основное отличие которых обусловлено степенью переработки автором текста-источника. Интертекстемы могут выполнять различные функции, в числе которых информативная (передача неких сведений), смыслообразующая (расширение содержательного пространства), образно-экспрессивная (придание тексту выразительности), игровая (вовлечение читателя в процесс «со-творения» текста) и декоративная (эстетическое воздействие).

Исследование интертекста в произведениях отдельного автора помогает не только в изучении его творчества, но и при анализе общих социально-культурных тенденций, отразившихся в межтекстовых связях.

В следующем параграфе **1.2. «Особенности исследования библейского интертекста»** мы рассматриваем специфику влияния на художественную литературу текстов Священного Писания. Указанной теме уделено особое внимание ввиду колоссального значения Книги Книг для всего человечества. Раздел начинается с краткого текстологического анализа указанного источника и степени его влияния непосредственно на русскую культуру. Так как возникновение письменности и собственной книжной культуры на Руси неразрывно связано с принятием христианства, влияние Священного Писания на русский язык и менталитет является бесспорным и многоплановым.

Основная сложность, возникающая при изучении библейского интертекста в художественной литературе, заключается в выявлении и анализе лексики и фразеологии библейского происхождения. Данные единицы речи могут попадать в авторский текст согласно логике самого языка вне зависимости от знакомства автора с библейским первоисточником, его мировоззренческой позиции, культурной осведомленности, интересов и творческих задач (к примеру, «камень преткновения», «во главу угла», «власть предержавшие», «плоть и кровь», «стыд и срам» и др. устойчивые выражения). Похожая проблема возникает при выяв-

¹ Баженова Е.А. Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь. М.: Наука, 2006. С. 104.

лении различных мотивно-сюжетных образований мифологического происхождения и так называемых бродячих сюжетов, которые могут встречаться не только в библейском источнике, но и во множестве других текстов и в устных преданиях (космогонические и сотериологические мифы, миф о потопе и др.). Встает вопрос о целесообразности рассмотрения с позиций литературоведения подобных сочетаний при изучении влияния библейского дискурса на творчество того или иного автора.

Для обоснованности выявления элемента в качестве библейской интертекстемы необходимо, таким образом, применение различных методов исследования, в частности анализа творчества как эволюционирующей целостности и биографического анализа с акцентом на мировоззрении автора, его круге чтения, различных социокультурных факторах, оказавших влияние на формирование творческой личности, чему и посвящен следующий параграф исследования **1.3. «Философско-религиозные источники в круге чтения Ю.П. Кузнецова. Место Нового и Ветхого Завета в его творчестве».**

Раздел начинается с уточнения круга мыслителей, к работам которых на разных этапах жизни обращался Ю.П. Кузнецов. Материалом для анализа стали в данном случае эпистолярные и мемуарные источники, а также научные публикации литературоведов. В результате исследования сделаны выводы о том, что в сфере творческого сознания поэта присутствуют античные философы (Пифагор, Платон, Диоген), деятели Нового времени (Спиноза, Кант, Паскаль), представитель неклассической философии (Ницше) и отечественные мыслители (М.М. Бахтин, И.А. Ильин, В.В. Розанов, П.Я. Чаадаев, А.Ф. Лосев, К.Н. Леонтьев, Н.Ф. Федоров и др.). Особое место в процессе формирования мировоззрения Кузнецова занимает древнерусское наследие и религиозная литература.

Влияние непосредственно библейского дискурса на творчество Ю.П. Кузнецова неразрывно связано с его духовным развитием. Поэт признавался, что уже в двенадцать лет, не будучи знакомым со священными текстами, постиг нравственную аксиому Библии: «Не делай другому того, чего не желаешь себе»¹. Отдельные образы Священного Писания попадают в фокус поэта благодаря интересу к классике, в частности к произведениям С. Есенина. К 1967 г. относится первое прямое знакомство поэта с Евангелием, в то же время он пишет свое первое стихотворение, в котором отражается образ Христа, — «Все сошлось в этом доме и стихло». В дальнейшем религиозные мотивы продолжают усиливаться и становятся повсеместными. Ю.П. Кузнецов сравнивает поэзию с богоугодным делом, молитвой и говорит об особой нравственной миссии поэта.

Интерес автора к древнерусской литературе объясняется стремлением приобщиться к исконной отечественной культуре, православию, постичь основы духовной жизни народа. В девяностые поэт оканчивает перевод знакового произведения русского средневековья — «Слова о Законе и Благодати», основные образы которого встречаются во множестве произведений Ю.П. Кузнецова. Основная мысль «Слова о Законе и Благодати» (противопоставление Закона и Благодати, иудейской традиции — христианству, Ветхого Завета — Новому) отражает

¹ Кузнецов Ю. Тропы вечных тем: проза поэта. С. 159.

и личную позицию автора. Новозаветные образы, мотивы и сюжеты с ключевой фигурой Христа занимают особое место в творчестве поэта, интерес к ним выливается в *magnum opus* Ю.П. Кузнецова — поэмную трилогию «Путь Христа». Однако неверным будет предположение, что автор вовсе избегает традиции Ветхого Завета. Несмотря на акцентирование христологической линии в его творчестве, ветхозаветные сюжеты и образы встречаются во множестве его произведений («Родство», «Цунами», «Новое небо», «Поэт и монах», «Сошествие в ад», «Рай» и др.).

Параграф **1.4. «Типология библейских интертекстем в поэзии Ю.П. Кузнецова»** посвящен выявлению и типологизации массива библейских интертекстуальных элементов в произведениях поэта. Процесс их выявления сопровождается поиском маркеров интертекстуальности эксплицитного (авторские и исследовательские пояснения, прямые цитаты и ссылки, топонимы и антропонимы библейского происхождения) и имплицитного характера (устойчивые сочетания, этимология которых установлена при работе со словарями и энциклопедиями библеизмов, и интертекстемы-реминисценции, обнаруженные при работе непосредственно с Библией в Синодальном переводе). Разработанная в диссертации типология основана на структурно-семантических особенностях интертекстем.

Типология представлена двумя группами, каждая из которых, в свою очередь, делится на две подгруппы. К первому блоку относятся непосредственно библеизмы (устойчивые сочетания, фразы и цитаты, восходящие к Библии), среди которых отдельно рассматриваются библеизмы-слова (антропонимы, топонимы, религиозные реалии) и библеизмы — словосочетания и простые предложения. Второй блок содержит сюжетно-мотивные образования явного и скрытого (реминисцентного) характера. Массив интертекстем-библеизмов, встречаемых в творчестве поэта, представлен в табличном виде (37 библеизмов-антропонимов, 19 библеизмов-топонимов, 20 библеизмов — религиозных реалий, расположенных в алфавитном порядке с указанием стихотворения-источника, а также 44 библеизма, представленные в виде словосочетаний или предложений с указанием библейского источника и минимальным контекстом, в котором их использует автор; подобный способ оформления данных позволяет наглядно продемонстрировать хронологические рамки и частоту вхождения интертекстемы в поэтический текст, ее тип в зависимости от источника заимствования (Ветхий или Новый Завет), а также степень ее переработки автором).

В диссертации показано, что на ранних этапах развития творчества Ю.П. Кузнецова библейские интертекстемы представлены преимущественно словами и устойчивыми сочетаниями (то есть первой типологической группой). Частота введения интертекстуального элемента увеличивается с конца семидесятых и на рубеже веков выливается в создание масштабных лиро-эпических полотен на религиозную тематику.

При изучении библейского интертекста в творчестве Ю.П. Кузнецова нельзя не заметить тенденции к переосмыслению, доработке или же повторному использованию тех или иных идей, образов и мотивов Священного Писания на

разных этапах литературного развития автора, в чем выражается целостность художественного мира поэта, его мировоззрения и последовательность в реализации поэтом своих творческих задач.

Данная выборка послужила материалом исследования для **второй главы «Смыслообразующая и образно-экспрессивная функции библейских интертекстов в поэзии Ю.П. Кузнецова»**, посвященной подробному анализу специфики функционирования библейского интертекста и его роли в построении поэтического мира автора.

Глава начинается параграфом **2.1. «Магистральные направления развития религиозно-поэтической мысли Ю.П. Кузнецова»**, в котором обосновывается необходимость целостного подхода к изучению библейского интертекста в творчестве автора. Основными из рассматриваемых функций становятся смыслообразующая и образно-экспрессивная, так как они неразрывно связаны с главными поэтическими задачами автора. Первая служит для отражения духовно-содержательной стороны мировоззрения поэта, а вторая участвует в оформлении смысловых компонентов языком поэзии, которая «начинается с сотворения мира и кончается Страшным Судом»¹. Магистральные векторы развития религиозно-поэтической мысли Ю.П. Кузнецова соотносимы с основными онтологическими, философско-антропологическими и аксиологическими вопросами: что есть бытие, что есть человек и каково его высшее назначение и место в мире. На эти вопросы поэт отвечает в свете христианской веры, активно используя библейские интертекстуальные элементы.

В разделе **2.1.1. «Христос как морально-нравственный ориентир»** затронуты наиболее масштабные поэтические искания поэта, связанные с раскрытием темы спасения человеческой души через приобщение к христианским ценностям. Важным становится изображение Спасителя как Богочеловека, при этом особая роль отводится человеческой ипостаси Христа, призванной выразить мысль о необходимости «живой», не абстрактной, не аскетической веры. Двуединство образа Учителя передается через сочетание божественной символики с детализированным портретом («Портрет Учителя», «Путь Христа»), а через «осязаемость» образа Спасителя реализуется идея о том, что любой человек имеет возможность прикоснуться к миру высшей духовности. «Человечностью» Спасителя объясняются различные духовные коллизии, сомнения и тоска персонажа. С образом Христа поэт связывает традиционную цветовую символику: золотой, синий (небесный), белый. Необходимость следовать пути Спасителя выражается на образном уровне в сопоставлении его с лирическим героем («На огненной реке», «Бой в сетях», «Воспоминания о Большой Серпуховке», «На огненной реке», «Отрицание», «Из Сталинградской хроники», «Былина о строке» и др.).

В разделе **2.1.2. «Родина-храм и Родина — образ вселенной»** рассмотрено второе направление развития поэтической мысли Ю.П. Кузнецова, связанное с перцепцией образа Родины. Анализ стихотворений «Последний человек», «Рука Москвы», «Свеча в заброшенной часовне», «Преображенный храм», «Не

¹ Кузнецов Ю. Тропы вечных тем: проза поэта. С. 541.

дом — машина для сырья...», «Стук над обрывом» и др. позволяет сделать вывод о том, что Россия для поэта не просто страна, но модель вселенной, на просторах которой (материальных и духовных) происходит извечная борьба добра и зла, трактуемая в христианском ключе. Столкновение сил света и тьмы метафорически отражает современные поэту социально-политические потрясения. И если Россия вмещает образ вселенной (на ее просторах растет мировое древо), то на столицу метонимически переносится образ самой России, не случайно ноги лирического героя «в рай идут через Красную площадь»¹. Возникающий в зрелом творчестве поэта образ разоренного храма также отражает настроения Ю.П. Кузнецова на фоне исторических потрясений, воспринимаемых не только как социально-политическая, но и духовная катастрофа. Выход из сложившегося кризиса поэт видит в возврате к традиционным ценностям, приобщении к православной вере.

Позиция лирического героя как провозвестника высшей духовности анализируется в разделе **2.1.3. «Поэт как медиатор Божьей воли»**. Поэт в произведениях Ю.П. Кузнецова является человеком, что «с Богом говорит» и «слово истины творит»². По замечанию Н.И. Ильинской, «синергичность творческого процесса с Создателем — то новое, что появляется в концепции творчества Ю. Кузнецова и укореняет ее в религиозно-философских основаниях русской поэзии»³. Для обоснования сакральности творческого процесса автор сравнивает поэтов с библейскими персонажами — самим Христом и псалмопевцем царем Давидом. Как свидетельствует анализ стихотворений «Молитва», «Струна», «Анна, Анна...», «Вера», «Когда со свечой страстотерпца...», «Молчание Пифагора» и др., поэзия становится для лирического героя Ю.П. Кузнецова молитвой, средством установить связь с Богом и сопровождается мотивом тишины, духовной ясности и сопричастности Великому Абсолюту. Стремление героя к высшим идеалам реализуется в традиционном романтическом ключе: поэт становится пророком-изгнанником, противостоящим косной и не понимающей его толпе («Отповедь», «Поэт и другие»). Интересны в контексте реализации библейского интертекста также произведения, посвященные осмыслению образов писателей-классиков, в частности Н.В. Гоголя и А.С. Пушкина («Тайна Гоголя», «Русский ангел»). Свою оценку лирический герой обосновывает творческим методом художников слова, степенью соответствия их взглядов православному мировоззрению.

Параграф **2.2. «Влияние Откровения Иоанна Богослова: эсхатологические мотивы как симптом «болезни» новой эпохи»** посвящен анализу реализации традиции Апокалипсиса в произведениях Ю.П. Кузнецова на разных этапах творческого развития поэта. В результате исследования было установлено: хотя в поэзии исследуемого автора эсхатологические настроения преобладают на рубеже восьмидесятых и девяностых годов («Сошествие в ад», «Видение»,

¹ Кузнецов Ю. Стихотворения и поэмы. Т. 4. М.: Литературная Россия, 2013. С. 336.

² Там же. С. 382.

³ Ильинская Н.И. Тема «Бог и поэт» в творчестве Юрия Кузнецова // Вестник Днепропетровского университета имени Альфреда Нобеля. Серия: Филологические науки. 2013. № 2 (6). С. 382.

«Время человеческое», «Тит», «Рождение зверя», «Сновидение в ночь на Рождество» и др.), что связано с реальной социально-политической обстановкой и стремлением Ю.П. Кузнецова осмыслить происходящие исторические процессы в свете религиозного миропредставления, отдельные апокалиптические элементы возникают в его творчестве уже в семидесятые годы («Пророк», «Черный подсолнух» и др.). Интерес автора к данной теме объясняется некоторыми исследователями (С.Ю. Николаева, Н.И. Ильинская) особенностью структуры религиозного сознания поэта, тяготеющего к русскому средневековью, для которого характерны предчувствия и видения апокалиптического характера и раздумья о посмертном существовании.

Реализация интертекста, восходящего к Откровению, происходит с помощью таких художественных средств, как трансформация имеющего положительные коннотации религиозного образа-символа в противоположное качество при сохранении внешнего подобия, но изменении духовного наполнения (часто выражаемом в смене цвета). Апокалиптические и инфернальные элементы сопровождаются мотивами сна, дурмана, затуманенного сознания, видения, а также образами подобия и искаженного зеркального отражения; демонические силы и персонажи лишены каких-либо индивидуальных, независимых от оригинала черт и потому существуют лишь в качестве инфернальных проекций реальных объектов. Подобное отношение поэта к проблеме зла приближает его точку зрения к богословской доктрине *privatio boni* (лат. «отсутствие добра»), встречаемой в работах таких религиозных деятелей, как Афанасий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и Феофан Затворник, и заключающейся в восприятии зла не как объективно присутствующей в мире сущности, но как состояния души человека, отпавшего от добра по наущению или по собственной воле.

Тема свободной воли и духовного выбора более подробно рассмотрена в следующем параграфе **2.3. «Проблема познания в творчестве Ю.П. Кузнецова»** (в контексте ветхозаветного мифа о грехопадении и его вариаций в поэзии автора). Библейские интертекстемы «древо познания» и «плод познания» (в данном случае представленный яблоком, в трактовке Ю.П. Кузнецова — символом притаившегося под внешней красотой зла) помогают на образном уровне раскрыть основную мысль поэта: процесс постижения мира должен рассматриваться исключительно с позиции духовного поиска. Анализ таких стихотворений, как «Атомная сказка», «Не дом — машина для жилья...», «Улитка-вестник», «Тайна славян», «Знак», «Отрицание» и др., позволил сделать вывод о том, что Ю.П. Кузнецов отдает предпочтение интуитивному, религиозно-мистическому познанию в противовес рационалистическому, потому повсеместно в его творчестве встречается осуждение прогресса, индустриализации и науки, ведущих, согласно мысли автора, к духовной и телесной порче. Противопоставление этих двух типов познания связано и с конфликтом между западной и восточнославянской культурами, оно вскрывает проблему самопознания, которая, указывает автор, может быть решена лишь в рамках приобщения к христианству (познание себя через веру в Бога).

Проблема отношения человека к вере рассмотрена в параграфе **2.4. «Воры-разбойники: вера и неверие в поэзии Ю.П. Кузнецова»** на примере двух ключевых библейских образов: Вараввы и раскаявшегося разбойника. В оценке этих персонажей в произведениях «Воры-разбойники» и «Юность» и «Зрелость» из трилогии «Путь Христа» автор категоричен: первый изображен резко отрицательно и так и не обретает в жизни покоя, второй же удостоен сочувствия и прощения. Ключевым отличием этих разбойников является факт раскаяния последнего и упорство в неверии Вараввы, изображенного как личность подлая, индивидуалистическая и склонная к бунту. В образе Вараввы отражено осуждение автором кровавых социально-политических столкновений, в частности эпохи перестройки.

Спасение, как указывает автор, сопряжено со свободным выбором человека в пользу христианской веры (раскаянием), однако непременным его условием является также духовно-мистический опыт, переживание изливающейся на человека Божественной благодати, то есть, согласно Кузнецову, приобщение к высшему — подлинному — миру. Исследованию образа рая как истинной реальности посвящен завершающий параграф данной главы **2.5. «Оппозиция «ад — рай» в поэзии Ю.П. Кузнецова»**.

«Все на свете — темное подобье»¹, — в этих словах поэта отражено восприятие земной жизни в качестве своего рода искаженного отражения жизни небесной, духовной. «Подобием» назван в поэзии Ю.П. Кузнецова и ад, в котором пребывают в призрачном состоянии лишённые Божественного света грешники (поэма «Сошествие в ад»). Причастность к духовной составляющей жизни, Богу, христианской вере определяется поэтом как приобщение к изначальному бытию, воплощенному в образе райского сада (поэмы «Красный сад» и «Рай»). Оппозиция «ад — рай», таким образом, отражает не только основную православную концепцию о загробной жизни, но и идею о двух состояниях человеческой души — в лоне религии и вне его, — ключевую для понимания мысли Ю.П. Кузнецова о первостепенной роли веры в жизни человека.

В третьей главе **«Влияние творческого метода Ю.П. Кузнецова на особенности репрезентации библейских интертекстов в его поэзии»** исследуется специфика реализации библейского интертекстуального элемента в связи с особенностями художественного метода поэта.

В рамках параграфа **3.1. «Различные подходы к рассмотрению творческого метода Ю.П. Кузнецова»** рассмотрены различные исследовательские точки зрения на сформулированную проблему. Многие ученые (В.А. Редькин, С.Ю. Николаева, Н.Н. Гордиенко, Н.И. Ильинская) говорят о значительной роли религиозного элемента в структуре художественного сознания поэта и характеризуют его творческий метод в неразрывной связи с христианской картиной мира (духовный реализм, православно-созерцательный тип творчества), другие особое внимание уделяют влиянию на творчество Ю.П. Кузнецова традиции модернизма (Д.С. Тавакалян, К.Н. Анкудинов) или же постмодернизма (Н. Переяслов). Столь сильное расхождение в точках зрения на рассматриваемый вопрос во

¹ Кузнецов Ю. Стихотворения и поэмы. Т. 5. С. 249.

многим объясняется многоплановостью творческого наследия поэта. Сам Ю.П. Кузнецов, отмечая поляризацию мнений критиков и литературоведов относительно своего творчества и собственную обособленность в среде литераторов, говорил: «Конечно, [я] одинок. Стою я особняком от всех течений»¹.

В реферируемой диссертации сформулирован вывод о том, что в контексте исследования специфики функционирования в творчестве поэта библейского ин-тертекста необходимо анализировать его произведения с точки зрения традиции одного из модернистских направлений — магического реализма, — что позволяет не только углубить понимание отдельных элементов и приемов, встречаемых в поэзии Ю.П. Кузнецова, но и рассмотреть его творчество в рамках мирового литературного процесса. Этому посвящен следующий параграф данной работы **3.2. «Элементы магического реализма в творчестве Ю.П. Кузнецова».**

В разделе **3.2.1. «Магический реализм как художественный метод»** кратко излагается история возникновения и развития данного метода в контексте мировой и русской литературы, оговаривается терминология. Феномен магического реализма сложен и многогранен и исторически вбирал в себя довольно разнородные явления литературы, живописи, фотографии и кинематографа, объединяющим компонентом которых было взаимопроникновение различных пластов реальности — бытового и мифологического (сказочного, фантастического). В последние десятилетия наследие многих классиков и современников переосмыляется отечественными и зарубежными литературоведами в свете этого художественного направления. В частности, черты магического реализма усматриваются рядом ученых в творчестве поэтов Серебряного века, стремившихся восстановить связь с национальными корнями и изобразить русскую (шире — славянскую) модель мира (А. Блок, Н. Клюев, С. Клычков, С. Есенин, произведения которого, как уже указывалось, повлияли на формирование литературного вкуса Кузнецова).

Раздел **3.2.2. «“Народное христианство” Ю.П. Кузнецова и магический реализм»** посвящен ответу на вопрос, каким образом черты народно-православного мышления поэта влияют на особенности его творческого метода — метода магического реализма. Кузнецов, как отмечает С.Г. Галаганова, в своих произведениях возрождает и развивает традицию «народного христианства (православия)», «интуитивно-художественного народного богословия», сквозь призму народного сознания проводит мифологизацию священных текстов, — отсюда и «преображенные православием»² языческо-мифологические мотивы и образы, то и дело возникающие в поэзии автора и не входящие в конфликт с религиозной картиной мира, но гармонично дополняющие ее. В качестве черт народного христианства, отразившихся в поэзии Ю.П. Кузнецова, С.Г. Галаганова выделяет «русификацию» Евангелия, «дописывание», дополнение канонических текстов, использование апокрифических источников, духовных стихов, фольклорных вставок, «обожение» природного мира. Религиозное сознание Ю.П. Кузнецова,

¹ Кузнецов Ю. Тропы вечных тем: проза поэта. С. 263.

² Галаганова С.Г. Народное христианство и поэма Юрия Кузнецова «Путь Христа» // Миссия Конфессий. 2016. № 16. С. 48.

таким образом, сознание не просто христианина, но православного русского человека, что отражается и в репрезентации библейского интертекста в его произведениях.

Восстановление целостной картины мира, основанной на стремлении к национальному самоопределению в противовес глобалистской культурной политике, исторически характерно для магических реалистов, а также применимо и в отношении Ю.П. Кузнецова. Основным элементом в самоопределении Ю.П. Кузнецова являлось «почвенничество» — почва, истоки, родные корни, на основе которых и строилась его поэзия, и неразрывная связь с православием, но не церковно-догматическим, а, как уже отмечалось, народным, — то есть национальная модель мира, лежащая в основе метода магического реализма. Вторым важнейшим элементом является использование мифологии, в особенности христианской. В претворении христианских сюжетов автор тяготеет к народным религиозным представлениям, что выражается, в частности, в тесном переплетении славянских фольклорных и библейских элементов — к примеру, в канву повествования поэмой трилогии «Путь Христа» вплетены такие жанры, как колыбельная, подорожная и плач, активно используются фольклорные приемы, среди которых отрицательный параллелизм и указание на личное участие рассказчика в описываемых действиях, а в поэме «Красный сад» совмещены образы библейского и фольклорно-славянского рая, присутствует зачин, представленный топографической формулой, характерной для волшебных сказок («в тридевятом царстве-государстве»).

В диссертации отстаивается тезис о том, что «народное христианство», «почвенничество» стали органической основой магического реализма Ю.П. Кузнецова.

В ходе исследования в творчестве Ю.П. Кузнецова были выявлены такие признаки магического реализма:

1) смешение элементов обыденного и ирреального, фантастического («Цунами», «Змеи на маяке», «В деревне»);

2) опора на фольклор и мифологию, мотивировка характеров и сюжетов историческим и культурным опытом народа при общечеловеческой ценностной ориентации (в данном случае на фундаменте христианской веры) («Родной разговор», «Сонная беседа», «Сошествие в ад», «Красный сад»);

3) размытие границ между реальным и ирреальным посредством активного введения мотивов сна, видения, морока («Сонная беседа», «Дом», «Сновидение в ночь на Рождество»);

4) восприятие мира без активной рационализации, преобладание роли интуиции и мистического переживания в процессе познания («Когда со свечой стратотерпца...», «Цунами», «Путь Христа»);

5) смешение элементов «высокого» и «низкого», карнавализация действительности («Похождения Чистякова», «Тайна Гоголя», «Превращение Спинозы», «В деревне»);

б) тенденция к сравнению (и даже противопоставлению) сквозь призму христианско-мифологического сознания духовно-исторического опыта собственного и чужих народов (оппозиция «свое — чужое») («Двое», «Прочтите наши дневники», «Триптих о молнии», «Ладони», «Воля», «Рука Москвы», «Где-то в Токио или в Гонконге», «Отпущение»).

Магический реализм проявляется у Ю.П. Кузнецова в трактовке как ветхозаветных, так и новозаветных мотивов и сюжетов.

В разделе **3.2.3. «Трансформация ветхозаветного сюжета в стихотворении “Цунами”»** анализируется произведение, в основе которого лежит библейская история о потопе, поданная в юмористическом ключе.

Трансформация сюжета из Ветхого Завета происходит на разных уровнях. Общими мотивами являются непосредственно потоп, Божий гнев и спасение героев в конце произведения. Место действия перенесено на Курилы в неопределенный исторический период, что в контексте мифа позволяет рассматривать их как модель мира. Место рукотворного ковчега занимает вулкан, а праведник Ной, его семейство и различные животные заменены пьяницами и собаками. Мотив спасения «пропавших пьяниц» связан с евангельской притчей о заблудшей овце, в которой говорится о ценности каждой души, каждого грешника, способного раскаяться, «милости к падшим»; связана с этим и мысль о присутствии Царствия Божия в душе каждого человека, выраженная поэтом во многих произведениях, в частности в «Пути Христа», однако в данном случае карикатурный образ пьяниц служит также для усиления смехового начала.

Смещение конкретного и вневременного, быта и мифа, «высокого» и «низкого», материального и духовного на основе иррационального мышления позволяет рассматривать это произведение в рамках традиции магического реализма.

В заключительном разделе **3.2.4. «Поэма-предостережение “Змеи на маяке”»** рассмотрено произведение поэта, в котором наиболее ярко проявляются новозаветные мотивы, а именно зарождающиеся в творчестве автора семидесятых годов эсхатологические настроения.

Основные черты магического реализма, обнаруживаемые в поэме «Змеи на маяке» (1977), — это активное мифологическое начало, интеркультурность образов при сохранении национального колорита, столкновение рационального и иррационального, которое оказывается в центре внимания автора. В поэме изображена ужасающая картина наступления змей, сил зла, на маяк, символ света, сопровождающаяся безумием людей, стоном моря и сгущением мрака («за тьмой небес еще слоится тьма»). Познание и желание господствовать над миром, согласно поэту, несут печаль и разрушение, потому что человек вмешивается в естественный порядок вещей. Неразумное осушение змеиного болота ведет к катастрофе апокалиптического характера. Маяк как символ ясного рассудка подвергается нашествию хтонического, инстинктивного начала — змей. «Змеи на маяке», таким образом, продолжают тему, затронутую в знаменитой «Атомной сказке», и предупреждают об опасностях сугубо рационалистического поиска истины. И хотя религиозный элемент в поэме еще не столь отчетлив, он пред-

определяет дальнейшее развитие поэтической мысли Ю.П. Кузнецова, направленное на разрешение гносеологических вопросов в свете христианской веры. Поэма «Змеи на маяке» является одним из показательных примеров претворения традиции магического реализма в творчестве Ю.П. Кузнецова и свидетельствует о зарождающемся интересе поэта к эсхатологической тематике уже в семидесятые годы XX века, предвосхищая многие значительные произведения зрелого периода творчества автора, в которых апокалиптические настроения выходят на первый план.

В заключении обобщаются результаты проведенной работы, подводятся итоги, а также намечаются перспективы дальнейших научных исследований в направлении, обозначенном в данной диссертации.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

*Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при
Министерстве науки и высшего образования РФ*

1. *Ильиных, А.В.* Библейский дискурс в поэзии Юрия Кузнецова // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. — 2021. — № 1. — С. 265–272.
2. *Ильиных, А.В.* Воры-разбойники: вера и неверие в поэзии Юрия Кузнецова // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. — 2022. — № 1 (72). — С. 222–227.
3. *Ильиных, А.В.* Образ Христа в поэзии Юрия Кузнецова // Вестник ТвГУ: Серия: Филология. — 2020. — № 1 (64). — С. 231–236.
4. *Ильиных, А.В.* Оппозиция «ад — рай» в поэзии Ю.П. Кузнецова // Вестник Костромского государственного университета. — 2022. — Т. 28. — № 3. — С. 134–139.
5. *Ильиных, А.В.* Плод райского древа: проблема познания в творчестве Ю.П. Кузнецова // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2022. — Т. 27. — № 4. — С. 660–668.
6. *Ильиных, А.В.* Юрий Кузнецов и мировой литературный процесс: творчество поэта в контексте магического реализма // Вестник ТвГУ: Серия: Филология. — 2021. — № 3. — С. 251–257.

В других изданиях

7. *Ильиных, А.В.* Концепт «ангел» в поэтическом творчестве Ю.П. Кузнецова // Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования: сб. ст. по материалам LVII Международной научно-практической конференции «Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования». — № 2 (51). — М.: Интернаука, 2022. — С. 47–52.
8. *Ильиных, А.В.* Откровение Иоанна Богослова в контексте поэтических исканий Ю.П. Кузнецова // Слово. — 2021. — Вып. XX. — С. 106–112.
9. *Ильиных, А.В.* Сказочное и притчевое начала в стихотворении Ю. Кузнецова «Цунами» // Кузнецовские чтения 2019–2020. Родное и вселенское в творчестве Юрия Кузнецова: сб. мат. по итогам конференций. — Краснодар: ООО «Книга», 2021. — С. 345–347.
10. *Ильиных, А.В.* Философские источники и труды в круге чтения Ю.П. Кузнецова // Литосфера: литературный альманах. — Вып. 6. — Тверь: Кондратьев А.Н., 2021. — С. 141–145.